Антон Павлович Чехов

Мы перевернули последнюю страницу 2009 года. Перед нами календарь нового, 2010. В январском списке памятных дат целое созвездие имён, но одно станет символом года для всего читающего мира. 2010 год – год Чехова.

Чехова нужно читать, и не только потому, что его читают во всём мире. Его нужно читать, потому что именно с его страниц сошёл человек с молоточком, который должен стоять у каждого сытого благополучного человека за плечом, и напоминать о тех, кому в эту минуту плохо.

Стереотип – страшная вещь. «Чехов! Как же, как же. Что-то там смешное было, ещё «Каштанка» и «Чайка». А внешне - пенсне, бородка, чахотка», - и современная жертва стереотипа отправляется читать какие-нибудь «Сумерки».

Ну почему во всех изданиях читатель вместо красавца Фета всегда видит старого лысого больного человека? А Чехов непременно сухонький сгорбленный старичок с тросточкой? Какая несправедливость! Во-первых, Чехов умер в 44 года. Даже в начале XX века это был вовсе не старческий возраст. Во-вторых, Чехов был 184 сантиметров росту, что и сейчас немало. Полистайте какое-нибудь собрание сочинений, там в каждом томе фотографии Антона Павловича разных лет жизни. До тех пор, пока его не скрутила жестокая наследственная чахотка, он был удивительно красив! А ещё он был сильным, умным и бесстрашным. Одна поездка на Сахалин чего стоит. Не верите – прочитайте его «Остров Сахалин».

Чехов всю жизнь стереотипы преодолевал. Все мы родом из детства, это так, но у Антона Чехова детства не было. Отец его, мелкий лавочник из города Таганрога, был чрезвычайно религиозным человек да ещё с дурным, тяжёлым характером. Дети должны почитать родителей, дети должны помогать родителям, дети не должны шляться без дела. Поэтому мальчики, и Антон тоже, поднимались в шесть утра, пели на клиросе, затем шли в гимназию, а потом до посинения сидели в отцовской лавке (где и летом-то было холодно, а про зиму - думать страшно), присматривая за торговлей. В восемь часов вечера лавка закрывалась, но мальчики вместо уроков и ужина должны были отправляться

на спевку церковного хора. В результате Антон дважды оставался на второй год в гимназии за что его нещадно секли. Удивительно, что такое детство не убило в нём чувство юмора, не озлобило, не погубило, не вывело на дорогу пьянства и безделья…Впрочем, тяжёлое детство Чехова тоже стереотип.

Он был обычным мальчишкой, невысоким, плотным, с круглой крупной головой, за что его прозвали «бомбой», румяным, большеглазым. Он замечательно умел ловить щеглов и тарантулов. Шалить он тоже умел. В младших классах гимназии Антон и его братья увлекались воздушными шарами. Делали их из папиросной бумаги, а наполняли осветительным газом, который с помощью резинового насоса добывался из ближайшего уличного фонаря. Шары взлетали исправно, а вот фонарь из-за этих манипуляций не работал. Дело дошло до полиции. Когда дело раскрыли, братьев Чеховых жестоко выдрали.

Самой яркой чертой его характера с детства, была его закрытость. Он не был замкнутым, он был сдержанным. Много позже он писал жене, что от природы его характер резкий, что сам он вспыльчив, ведь это фамильная черта Чеховых. Он привык себя сдерживать, потому что с детства понял, что распускать себя порядочному человеку не подобает.

Сдержанность и порядочность – качества, которых так не хватает сейчас. Может быть потому Чехов так современен, что ему удалось уберечь от пошлых глаз мир своих интимных переживаний? Тогда ведь тоже было «всё на продажу», жёлтая пресса уже появилась.

Есть одно удивительное свидетельство о том, как Чехов относился к любви с первого взгляда. Говорили об этом Чехов и Суворин, его издатель. Так вот. Где-то в степи, в чьем-то имении, Антон, будучи ещё гимназистом, стоял у одинокого колодца и глядел на своё изображение в воде. (Кто из подростков любой эпохи часами не разглядывал себя в зеркале, пытаясь понять, кто я?) Пришла девочка лет пятнадцати за водой. Она так пленила собой Антона, что он тут же обнял её и стал целовать. Затем оба они ещё долго простояли у колодца и смотрели молча на воду. Ему не хотелось уходить, а она совсем позабыла о своей воде. Как

было бы хорошо, если бы вместо хрестоматийного чахоточного Чехова каждый новый читатель видел бы эту бесконечную степь, солнце в зените, дрожащий от зноя воздух. Колодец в степи, накренившееся ведро, хрустальная струя воды. И юные мальчик и девочка, застывшие в обнимку посреди этого пространства, одни во всей Вселенной, накрытые огромным, как степь, чувством.

© Л.Е. Сычева, главный библиотекарь